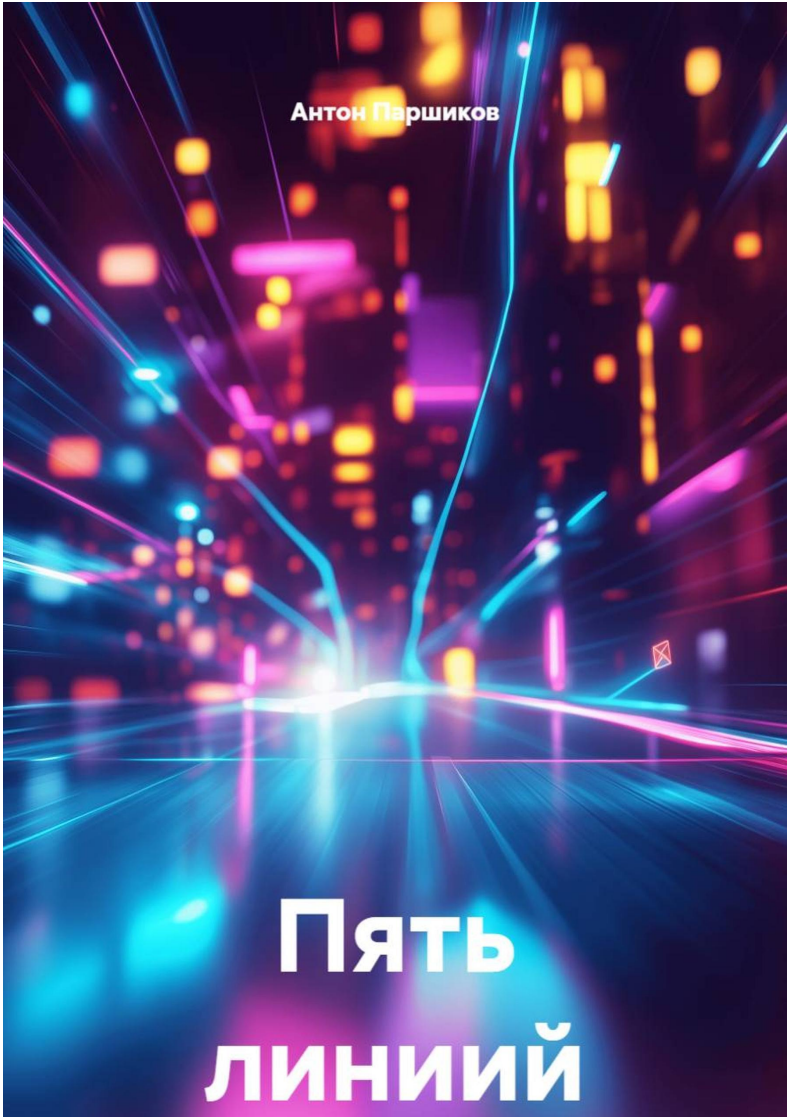

Антон Паршиков
Пять
линий

Антон Паршиков
Пять линиий

https://litres.ru/74709234
SelfPub; 2026

Аннотация

Ангарск, 1998 год. Одиннадцатилетний Антон покупает у рынка кассету с «Иванушками». После последней песни плёнка ещё крутится. Двое мужчин считают деньги, называют фамилии. Антон перематывает кассету, слушает ещё раз и кладёт её на кухонный стол, рядом с отцовской тарелкой.

Вскоре у гаражей Антона останавливает старший парень. Он знает, что кассета у отца, и требует её вернуть. Руслан уверен: пятеро друзей и сами разберутся, что делать. Антону тоже хочется хоть раз решить всё самому. Поэтому, когда отец по телефону велит ждать у магазина, Антон кладёт трубку и говорит ребятам совсем другое.

Содержание

1 Снег 4
2 Чужая запись 8
3 Девяносто два рубля 12
4 Заявление 16
5 За гаражами 20
6 Полчаса 25
7 Чужой ключ 28
8 Куртка 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Антон Паршиков
Пять линиий

1 Снег

В сентябре 1998 года мне было одиннадцать. В декабре должно было исполниться двенадцать, и я уже объяснил матери, что в этом году торт с зайцем мне не нужен.

— А с кем нужен?

— Ни с кем. Обычный.

— С зайцем дешевле, — сказала она.

Я не понял, шутит ли мама. Потом представил, как Руслан увидит этого зайца, и решил ещё поговорить с отцом.

Мы жили в Ангарске с тех пор, как мне исполнилось шесть. До этого был юг, которого я почти не помнил, и поезд — пять суток, горячий стакан в железной подставке, отец на верхней полке. Он обещал, что если ехать достаточно долго, проводница подарит нам вагон. На четвёртый день я спросил, кто будет его мыть. Отец сказал, что, пожалуй, откажемся.

Дедушка с бабушкой ждали нас в Ангарске. Отец хотел жить поближе к ним. О других причинах при мне не говорили, а я и не спрашивал: во дворе нового дома была настоящая горка с железными перилами.

Мама рассказывала, что в день моего рождения, двадцать четвёртого декабря, на юге выпал невиданный снег. Заметало машины, люди звонили знакомым. Я родился в сочельник перед католическим Рождеством и долго считал это обстоятельство личной заслугой. Я собирался вырасти раньше остальных и просил отца отмечать мой рост на дверном косяке каждый месяц. Он отвечал, что так мы скоро испортим всю краску.

В Ангарске снег никого не удивлял. Бабушка сразу велела разуться, когда я принёс его на балконных тапочках. Дед попросил закрыть дверь. Несколько лет спустя я уже сам ругался на мокрые носки и забыл, что когда-то ждал от снега чего-то особенного.

В тот сентябрьский вечер я принёс во двор магнитофон.

Кассету с «Иванушками» купил у Лёхи с соседней улицы. Он торговал старыми записями на ящике у рынка и разрешал послушать начало. Футляр треснул, зато стоила она вдвое дешевле новой. На торце кто-то провёл синюю черту.

Стёпа вытащил из магнитофона зажёванную плёнку. Он был старше меня на два месяца и мог объяснять, как вставить батарейки, даже человеку, который сам их только что вынул.

— У тебя прижим кривой. Опять носил без сумки?

— Сумка женская.

— Дома другую найди. Держи вот тут.

Слава стоял с другой стороны и подпевал, опаздывая на

полстрочки. Слов он не знал, но это ему не мешало.

— У тебя все песни про любовь, — сказал он.

— Другой не было.

Стёпа попросил не мешать: он никак не мог попасть отвёрткой в винт.

Руслан отнял у Ивана прутик и принялся ковырять землю под лавкой. Им со Славой было по десять. Ивану — восемь; он ждал, когда Руслан сломает прутик и можно будет забрать хотя бы половину.

— К гаражам сходим, — предложил Руся.

— Чего там?

— Посмотрим.

— Я ещё вчера посмотрел, — сказал Слава. — Гаражи стоят.

Руслан кинул в него комок земли. Слава уклонился, комок попал мне в магнитофон, и я обругал обоих. Стёпа всё ещё держал крышку, чтобы не сломалась петля.

Иван перестал тянуться за прутиком. За теплотрассой стояли старшие — четверо, в тёмных куртках. Одного я знал: про него говорили, что он отбирал мелочь у младших. Он показал на наш магнитофон, и другой парень пошёл через пустырь.

— Забирай, — сказал Стёпа мне. — Дома поправишь.

Я захлопнул крышку. Мы направились к подъезду, стараясь не бежать. На чёрном пластике оставались мокрые точки; я поднял лицо и увидел первые хлопья.

Старший окликнул нас. Я нажал кнопку, музыка оборвалась. Стало слышно, как Слава тащит ногой отставшую подошву.

2 Чужая запись

В подъезд мы втиснулись все сразу. Иван зацепился рукавом за ручку; я потянул его, а Стёпа придержал тяжёлую дверь, чтобы не ударила по спине.

На лестнице пахло кошками и старой краской. Кто-то оставил у батареи мокрую тряпку. Я поставил магнитофон на подоконник и стал разминать пальцы.

— Чего побежали? — спросил Руслан.

Снизу толкнули дверь.

— Эй. Музыканты.

Старший поднялся к нам. Второй остался на ступеньку ниже, закрыв проход. С рукава у него капало на перила.

— На вечер аппарат дашь.

— Он мой.

— Вижу, что твой. У нас посидеть негде, пойдём в гараж.

Я взялся за ручку. Он не отнимал магнитофон, только встал так, что не пройти. Второй нажал кнопку. Музыка заиграла громче, чем во дворе.

За дверью на площадке щёлкнула задвижка.

— Вы что тут устроили? Антон, выключи.

Я нажал не ту кнопку, крышка открылась. Старший сунул руки в карманы.

— Завтра вынесешь, — сказал он мне. — После школы будем здесь.

Они спустились. Соседка ещё постояла за дверью, потом спросила, не наша ли тряпка у батареи. Никто не ответил.

Слава снял магнитофон с подоконника.

— Тяжёлый у тебя.

— Я сам.

— Да донесу.

До квартиры оставался один этаж. Я шёл за ним и думал, что завтра можно выйти через другой подъезд: подвальная дверь иногда бывала открыта.

На следующий день Руслан спросил, понесу ли я магнитофон. Я сказал, что он сломался.

— Вчера играл.

— А сегодня не играет.

Стёпа посмотрел на меня. Он мог бы сразу сказать, что вчера сам всё поправил, но промолчал. Мы посидели у трансформаторной будки без музыки. Иван ковырял ложкой замёрзшую землю в жестяной банке: хотел сделать дорогу для машины.

Дома я включил запись. Магнитофон работал, только под конец песни звук становился глухим. Я карандашом подтянул петлю и лёг на ковёр с учебником.

После последней песни послышалось шуршание. Я решил, что плёнку опять жуёт, потянулся к кнопке, но мужской голос произнёс:

— С рынка сколько?

— Здесь восемь. Остальное в пятницу.

— Я же сказал — всё.

Что-то стукнуло. Другой мужчина заговорил тише, и я прибавил громкость.

— Климов, я с пустыми руками к ним больше не пойду. Вчера один заявление понёс.

— Отнесёт, заберёт. Деньги где?

Дальше называли фамилии и адрес гаража. Музыка, наверное, была записана поверх чужого разговора. Лёха разрешал слушать только начало, и я сам торопился: боялся, что кассету купит кто-то другой.

Я отмотал назад. Слова про заявление повторились. Закрыл учебник и пошёл на кухню за бумагой.

Мама спросила, зачем я пишу печатными буквами. Я сказал, что так разберу. Когда пришёл отец, кассета лежала рядом с его тарелкой. Я успел вспомнить про запрет покупать у рынка и хотел унести её, но он уже сел.

— Тут люди разговаривают, — сказал я. — Послушай.

Он попросил сначала дать поесть. Я поставил магнитофон на пол возле стула и остался стоять. Мама достала мне тарелку, хотя я ужинал раньше.

Про старших пришлось тоже рассказать. Отец выслушал, потом включил запись. К тому времени суп у него остыл.

— Это те, которые в подъезд заходили?

— Не знаю. Голос другой.

Он попросил не перематывать, пока не кончится сторона.

Запись оборвалась на середине слова. Отец вынул кассету и взял мой листок. Там было четыре фамилии; последнюю я написал как услышал.

— Завтра узнаю, кому это показать.

— А музыку вернут?

— Не знаю, Антох.

Мама велела убрать магнитофон с прохода. Я поднял его, и снизу выпала батарейка: крышку мы так и не закрыли. Пришлось ползти за ней под стол, пока родители говорили у меня над головой.

3 Девяносто два рубля

Утром отец позвонил в отделение. Я слышал из коридора, как он диктовал фамилии с моего листка, потом своё имя и адрес. Запись просили принести вместе с заявлением. Его уже вызвали на работу — там случилась авария.

— После школы домой. Постараюсь приехать пораньше.

У школы я дождался Стёпу. Мы пошли длинной дорогой, мимо магазина и детского сада. Мне хотелось рассказать про запись, но я начал со вчерашней задачи и говорил до самых гаражей.

Старший ждал у прохода. Тот, который хотел взять магнитофон.

— Отец дома?

Я остановился.

— Нет.

— Скажи ему, кассету пусть отдаст. Климову. Лёхе продать дали, он всё перепутал.

— Ты вчера про магнитофон говорил.

— Вчера говорил. Сейчас другое.

Стёпа потянул меня дальше. Старший ударил ладонью по портфелю, и я прижал его к боку.

— Там?

— Дома.

Из-за угла показались Руслан и Слава. Руся сразу встал

перед ним. Старший толкнул его в плечо, Руслан ударился спиной о стену.

По дороге проехала милицейская машина. Я поднял руку, но поздно. Старший заметил и отступил от нас.

— Отцу передай. Он знает.

Дома я вытащил из ящика кассету. Она была на месте. Положил обратно, закрыл ящик и подёргал ручку, как будто там был замок.

Отец вернулся поздно, с тёмными полосами под ногтями. Когда я рассказал про старшего, он переспросил, кто назвал Климова. Я сказал, что парень сам.

— А ты кому-нибудь говорил?

— Нет.

Он посмотрел на Стёпу, который сидел у нас с учебником. Тот тоже покачал головой. Отец набрал номер отделения, долго ждал. Я хотел остаться, но мама отправила нас мыть руки.

Наутро отец поехал с записью сам. В школе я два раза подходил к окну: оттуда был виден угол нашего двора.

Вечером Слава привёл Мишку из соседнего дома. Ему было четырнадцать, он был выше меня почти на голову. На лестнице Мишка всё время поправлял ремень сумки, хотя та не сползала.

— Расскажи, — сказал Слава.

— Сам могу.

Мы сели на лавке. Оказалось, у него забрали триста рублей, которые мать дала за квартиру. Теперь требовали ещё триста: будто он занял и не вернул вовремя. На щеке оставалась красная полоса.

— У гаражей? — спросил я.

Он кивнул. Я назвал Климова. Мишка спросил, откуда знаю, и я ответил, что от отца. Объяснять при Руслане про кассету не хотел.

Мы стали считать, у кого что есть. Руслан принёс пятнадцать рублей, Иван двадцать, я выгреб семь из копилки. Слава сбегал домой и вернулся с полтинником.

— Откуда столько?

— Мои.

Стёпа долго смотрел на купюру. Потом спросил, точно ли Славины. Тот вспыхнул и хотел забрать деньги, но Мишка остановил его руку.

— Не надо. Я всё равно не возьму.

На лавке лежали девяносто два рубля. Один рубль проваливался в щель. Иван доставал его ногтем и клал сверху.

— А если ещё собрать? — спросил Руслан.

Мишка встал. Я предложил позвонить отцу. Он отказался и пошёл к подъезду; я догнал его у двери.

— Мой про этих знает.

— Мне от этого что?

— Не знаю. Поговори.

Мишка посмотрел на наши окна. Я пошёл первым, чтобы

он не передумал на лестнице. Отец ещё был на работе. Я набрал рабочий номер и дал Мишке трубку. Он назвал отцу свой адрес и фамилию матери; последние слова произнёс так тихо, что пришлось повторить.

Потом отец попросил позвать меня.

— Деньги раздайте обратно. Мишке скажи, вечером зайду к ним.

Я положил трубку. Мишка не стал спрашивать, что именно отец собирается делать. Дождался, пока я обуюсь, и мы вышли во двор вместе.

Руслан сидел на лавке с нашими деньгами. Услышав, что мы звонили, он ссыпал мелочь мне в ладонь. Один рубль снова упал между досками.

4 Заявление

В воскресенье пришёл участковый. Он не снял фуражку, пока мама не показала на вешалку. Потом сел на табурет у окна, достал блокнот и спросил, где я видел старших.

Отец достал копию заявления и мой листок с фамилиями из записи. Участковый придвинул их к себе.

— Сам записывал?

Я кивнул. Отец спросил, почему старшие узнали о кассете до того, как он принёс её в отделение. Участковый сказал, что Лёха мог рассказать кому угодно.

Он записал несколько слов. Ручка перестала писать, и он расчертил ею угол страницы, пока не появилась жирная синяя полоса.

Руслан сидел у двери. Его позвали, чтобы он тоже рассказал про гаражи.

— Вы их заберёте? — спросил он.

— Сначала разберёмся.

— А если они опять придут?

— Сообщайте.

Руслан поджал губы. Я толкнул его коленом: пусть хотя бы сейчас не спорит.

Отец спросил, прослушали ли кассету. Участковый сказал, что её передали другому сотруднику, и записал номер заявления. Мама стала убирать чашки, хотя он к чаю не при-

тронулся.

После его ухода Руслан сказал, что мы зря рассказали. Отец резко ответил, чтобы таких разговоров здесь не было.

К вечеру старший появился у подъезда. Он стоял под козырьком, где с крыши не капало, и смотрел на наши окна. Я отошёл за занавеску, но всё равно выглядывал.

Телефон зазвонил, когда отец вышел вынести мусор.

— Передай ему, чтобы не лез, — сказал незнакомый голос.

— Кому?

— Отцу.

Я ещё держал трубку, когда он вернулся. Из пакета у него в руке торчала газета: мусоропровод опять забился, пришлось нести обратно.

Он поставил пакет у двери и взял трубку у меня. Долго слушал гудки.

Мама спросила, кто звонил. Я смотрел на газету, на мокрое пятно в нижнем углу, и никак не мог заставить себя повторить.

Утром отец снова поехал в отделение, теперь из-за звонка. Вернулся с ещё одним листком и убрал его в верхний ящик. Я спросил, скоро ли вернут музыку.

— Ты про кассету? Не скоро.

Он говорил с мамой на кухне. Я слышал слова «проверить» и «показания», но, когда вошёл за водой, они замолча-

ли. Мама достала из буфета вторую чашку, хотя первая ещё стояла возле крана.

После школы она разрешила позвать ребят. Иван высыпал на ковёр машинки. У одной не было колеса; он каждый раз ставил её подальше от остальных, а потом всё равно возвращал в гонку. Мы со Стёпой делали математику. Слава рисовал на обороте старой квитанции человека с невероятно длинными ногами.

— Это ты после армии, — объяснил он мне.

— Почему голова маленькая?

— Вырастет, не торопись.

Руслан подошёл к окну. Он позвал нас не сразу. У верхнего ряда стояла «девятка», и двое старших выгружали из багажника ящик. Один был Лёха. Я узнал его куртку с белой вставкой на спине.

Руслан сказал, что вчера Лёхе разбили губу. За что — не знал.

— Откуда знаешь, что разбили? Может, упал, — спросил Слава.

— Сказал — отойди. Значит, разбили.

Отец вернулся с работы, когда машину ещё было видно. Я подвёл его к окну. Отец позвонил в отделение, назвал гаражный ряд и цвет машины. Сколько ни всматривались, а разглядели только половину номера.

Мама попросила отойти от окна. Мы вернулись на ковёр. Иван начал собирать машинки: за ним уже шла мать. Руслан

так и остался у шторы, а Стёпа сложил тетрадь и сунул её мне под учебник.

Вечером отец вышел со мной до мусоропровода. Тот был забит; пришлось спускаться во двор. Я держал пустое ведро, пока отец разговаривал с соседом. У гаражей погас свет. Лёха прошёл мимо нас к своему дому, прикрыв рот воротником. Отец спросил, всё ли у него нормально.

— Нормально. Домой уже иду.

Мне захотелось крикнуть ему про кассету, но он уже свернул за угол.

5 За гаражами

Через несколько дней Руслан нашёл меня возле школы. Он сказал, что Лёха опять работает у гаражей и за ним надо сходить.

— Отец с ним говорил. Он домой пошёл.

— А теперь опять туда. Я ему про кассету сказать хочу.

Я спросил, почему не скажет днём. Руслан объяснил: днём Лёха либо не приходит, либо рядом старшие. Вечером заканчивают работу, можно подождать его у выхода.

Он уже договорился со Славой. Стёпа услышал разговор и велел сначала позвонить Лёхе домой. Номер мы узнали у его соседки. Мать сказала, что сын вернётся поздно, и спросила, кто его ищет. Руслан назвал чужое имя и положил трубку.

— Зачем соврал?

— А ты бы своё сказал?

Стёпа ушёл. Мне тоже хотелось уйти, но Руслан уже объяснял, где будем ждать: снаружи, возле дороги. Если Лёха не выйдет — домой.

Я собирался сказать отцу. Вечером он позвонил с работы, что задерживается, а мама ушла к бабушке. Я написал на обрывке бумаги «во дворе» и оставил на кухонном столе. Пока обувался, вернулся, дописал «скоро».

Стёпа ждал у подъезда с фонариком.

— Ты же не хотел, — сказал я.

— Не хочу. За Лёхой зачем пятеро? Иван тоже просится.

Иван и Слава стояли за его спиной. Слава принёс для сторожевой собаки хлебную корку. На корке ещё оставалось масло.

— Собака с богатого стола ест, — сообщил он.

Стёпа дал мне фонарик: я всё время спрашивал, хватит ли батареек. Он сказал, что если перестану щёлкать, то хватит.

В половине девятого мы подошли к гаражам. Слава прихватил нож отчима: хотел показать Лёхе, как починил пружину. Руслан нёс обрезок трубы, уверял, что на всякий случай. Иван шёл рядом со мной. Его шапка сползала на глаза, и он поправлял её всей ладонью.

— Убери, — сказал Стёпа Славе.

— Я ничего.

— Вот и убери.

Нож исчез в кармане. Трубу Руслан прятать не стал: держал за спиной, пока мы переходили дорогу.

Лёха не выходил. Руслан предложил посмотреть, есть ли он внутри, и мы подошли к бетонному забору. Там пахло сырой землёй. Я поставил ногу в выбоину и поднялся, чтобы посмотреть через край. Стёпа придержал меня за ремень.

Ворота одного гаража были распахнуты. Лампа висела над капотом машины, и вокруг неё вились мелкие мотыльки, хотя на улице уже было холодно. Четверо старших стояли у верстака. Взрослый мужчина вытряхивал из пакета деньги.

Я сначала не понял, что это деньги. Издалека пачки были похожи на куски картона.

— Климов не придёт, — сказал один.

— Придёт, — ответил мужчина. — А запись у пацана заберём.

— Отец унёс.

Мужчина выпрямился.

Я сполз с забора. Стёпа хотел подняться сам, но я потянул его за рукав. Руслан уже лез на моё место.

— Пошли.

— Сейчас.

С другой стороны забора хлопнуло железо. Иван ухватил меня за руку. Я обернулся и увидел ещё одного старшего. Он стоял совсем близко, возле бочки, которую мы приняли за тень.

— Нашёл, — сказал он кому-то за нашей спиной.

Стёпа толкнул меня к проходу.

— Бежим!

Фонарик ударился о бетон, вспыхнул и погас. Я побежал на этот короткий свет, потому что другого выхода уже не видел.

Мы перелезали через низкую часть забора, мешая друг другу. Слава зацепился карманом, дёрнул куртку, и что-то звякнуло внизу. Он хотел нагнуться.

— Оставь! — крикнул Стёпа.

Нож остался под забором. Руслан бросил трубу сам, когда не смог перелезть с ней. Я увидел это и почему-то запомнил: не выронил, а бросил.

Иван спрыгнул неудачно. Его нога ушла в грязь, и он сел на землю. Я потянул за куртку, ткань хрустнула у воротника. Ванька вскочил и дальше бежал сам.

У дороги мы остановились, пропуская грузовик. За его бортом гаражи исчезли на несколько секунд. Когда машина прошла, я уже не видел, гонятся ли за нами.

Домой мы шли вдоль освещённых окон. Никто не говорил про деньги. Слава всё проверял порванный карман.

— Отчим спросит, — сказал он.

— Скажешь, потерял.

— Он и так поймёт, что потерял.

У подъезда Руслан сказал, что завтра нужно вернуться. Стёпа даже не повернулся к нему.

— За трубой? — спросил Слава.

Руслан посмотрел так, что Слава сразу перестал усмехаться.

Мы постояли ещё немного. Иван тёр пальцем грязь на колене. Я предложил подняться ко мне и отмыть, но он отказался: его ждали.

В квартире мама спросила, где я испачкал рукав. Я сказал, что упал. Пока она искала щётку, я стоял возле двери и слышал, как в соседней квартире разговаривают со Стёпой.

Он тоже сказал, что упал.

Мама нашла щётку. Я повернулся к ней грязным рукавом и стоял, пока она не велела снять куртку совсем.

6 Полчаса

На другой день Руслан встретил меня без шапки. Уши у него были красные. Он сказал, что мы оставили у гаражей Славин нож и надо сходить, пока не нашли другие.

Слава сидел на ступеньке. Воротник куртки съехал набок.

— Отчим за нож? — спросил я.

— За всё.

Он не встал. Руслан походил перед нами, потом тоже сел. Стёпа не вышел: дома заметили разбитое стекло фонарика.

Лёха появился с пакетом из магазина. На губе у него была тёмная корка. Он увидел нас и свернул с дорожки.

— Ты отцу сказал, у кого покупал? — спросил он меня.

Я ответил, что сказал. Лёха выругался, потом посмотрел на Ивана и отвернулся.

Климов выяснял, где Лёха взял кассеты и кому продал. Лёха повторял, что на нашей была музыка. Я хотел спросить про мужчину в гараже, но Руслан перебил: где тот сейчас?

— Не знаю. И искать не надо.

— Ты же с ними был.

Лёха посмотрел на его красные уши. Пакет он держал за узел, пальцы побелели.

Я попросил его подождать. Отец велел сразу звонить, если увижу Лёху. Мы пошли к телефону у магазина; он сначала остался возле лавки, потом подошёл следом.

Отец разговаривал с ним дольше, чем со мной. Я отошёл к стене, но Руслан стоял рядом и прислушивался. Когда Лёха положил трубку, сказал, что теперь надо ждать.

— Зачем? — спросил Руся.

— Тебе незачем. Иди домой.

Мы остались все. Иван держал хлеб и колбасу, за которыми его послали ещё утром. Я взял пакет: от него пахло так, что захотелось есть.

Отец приехал через полчаса. Лёха подошёл к машине раньше нас. Они о чём-то поговорили, отец вышел и велел мне идти домой. Я спросил, куда они едут.

— К его матери. Потом в отделение, если согласится.

Лёха уже сидел внутри и смотрел на своё колено. Руслан постучал по стеклу. Тот не повернулся.

Отец вернулся поздно. На кухне он спросил, почему я не рассказал про вчерашние гаражи.

— Я сегодня звонил.

— Про вчера спрашиваю.

Я стал объяснять: ждали Лёху снаружи, потом только посмотрели. Мама спросила, кто придумал смотреть. Я сказал, что Руслан. Отец поднял голову.

— А на забор кто полез?

Оказывается, Лёха видел, как я торчал над забором. Я сел на табурет. Родители ждали, и я рассказал про деньги, трубу, потерянный нож. Про то, как мы бежали, говорить было

легче: там уже не надо было выбирать, кто виноват.

На другой день мама встретила меня у школы. Руслан крикнул, что мне пора в детский сад. Стёпа ударил его портфелем, а мама сделала вид, что не слышала.

В магазин я вошёл отдельно от неё и стал у мешков с картошкой. Она позвала помочь, очередь обернулась. Пришлось подойти.

Домой я нёс хлеб и молоко. Мама шла чуть впереди, обходя лужи. У подъезда я попросил, чтобы завтра она хотя бы не стояла у самых ворот.

— Хорошо, — сказала она. — Буду у киоска.

7 Чужой ключ

Лёха ждал нас возле качелей. После разговора с отцом он должен был прийти в отделение с матерью, но не пришёл. Сказал, что она заболела. Я не знал, правда ли.

— Я не знал, что там осталось.

Климов держал в гараже двухкассетник. Записывал разговоры — кому отдал деньги, кто обещал принести. Потом давал должникам послушать, если те называли другую сумму. Лёха иногда делал для него копии, а старые кассеты забирал: стирал, записывал музыку, продавал у рынка.

На нашей кассете музыка закончилась раньше прежней записи. Остаток плёнки он не проверил.

— А метка?

— У него все с синей полосой.

А я-то думал, что так Лёха отмечает музыку, которую уже проверил.

Лёха посмотрел на окна и понизил голос. По его словам, Климов должен был отвезти деньги в Иркутск, но часть спрятал. Теперь говорил своим, что деньги украли. Мелких удобно было обвинить: нас уже видели у гаражей.

— Я даже в гараж не заходил, — сказал Иван.

— Им без разницы.

Руслан спросил, где спрятано. Лёха достал ключ. На кольце болтался обломок зелёной пластмассы.

— В боксе сорок два. Только сами не ходите.

Он хотел отдать ключ мне, но Руслан протянул руку первым.

— Почему отцу не принесёшь?

Лёха промолчал. Слава поднял с земли пустую пачку, смял и бросил обратно.

— Они знают, где моя мать работает, — наконец сказал Лёха. — Я один раз уже говорил, что уйду. Больше не говорю.

Он попросил передать ключ отцу без его имени. Я пообещал, хотя не представлял, как объяснить, откуда ключ взялся.

Руслан убрал его в карман. Я потянулся следом.

— Потом, — сказал он. — Не потеряю.

Ключ Руслан не отдал. Сказал, что дома забыл, и мы поругались у школы. После уроков я пошёл к нему, но мать ответила, что он уже вышел.

Нашли мы его возле мусорных баков. Двое старших стояли по бокам, а Руслан пятился к бетонной стенке.

Я окликнул его. Один из парней повернулся. Второй ударил Руслана в живот.

Всё произошло быстро. Руся согнулся, ударился щекой о чужое плечо, а старшие уже шли к дороге. Я побежал за ними, но Стёпа схватил меня за портфель и дёрнул назад.

Руслан дышал ртом. Он пытался выпрямиться и не мог.

— Сядь, — сказал Слава.

— Отстань.

Иван принёс картонку от коробки и положил на снег. Руслан сначала оттолкнул её ботинком, потом всё-таки сел. Я стоял рядом и не знал, куда девать руки.

— Ключ искали?

Он кивнул.

— У тебя?

Руслан открыл ладонь. Металл оставил на коже красную вмятину.

Я забрал ключ. Он не сопротивлялся, только снова согнулся. Слава сбегал за его матерью. Она вышла в домашних тапочках, посмотрела на сына и велела нам идти по домам.

Руслан поднялся не сразу. Пока мать держала его под локоть, он отталкивал её руку. Потом позволил помочь.

Вечером я позвонил. Трубку взял он сам.

— Больше не отступлю, — сказал Руся.

Я слышал, как возле него мать открыла воду. Он прикрыл трубку ладонью, потом опять вернулся.

— Как живот?

— Нормально.

— Я завтра зайду.

Он помолчал, потом согласился. Ключ я положил в ящик стола. Отец ещё не вернулся, и я собирался дождаться его. Но заснул над раскрытой тетрадью.

Наутро я показал отцу ключ. Он рассердился, что мы тянули. Попросил не рассказывать Лёхины слова во дворе и сам поехал в отделение.

К вечеру ключ оказался бесполезным: в боксе ничего не нашли. Только пустые ящики, старые покрышки и свежую полоску на полу, где недавно передвигали шкаф.

— Они успели, — сказал я.

Отец не ответил.

Запись с первой кассеты отправили проверять. Пока взрослые выясняли, чьи там голоса, старшие продолжали приходить в наш двор. Я думал, милиция узнает их сразу, как я узнал парня на пустыре. Оказалось, моего «тот самый» недостаточно.

В школе я перестал успевать записывать с доски. Смотрел на дверь, хотя никто за нами туда не приходил. Учительница спросила, почему в тетради пусто. Я сказал, что ручка кончилась.

Стёпа молча дал запасную.

После уроков Руслан ждал у забора. Синяк на щеке пожелтел, но он ещё придерживал живот, когда смеялся.

— Они деньги перенесли.

— Кто сказал?

— Лёха. Видел, как ящик увозили в котельную за стадионом.

Я спросил, почему Лёха не скажет сам. Руся зло ответил, что мне только бы всех к отцу вести.

— Я всё равно скажу, — ответил я.

Руслан спросил, что именно, будто я ничего не слышал. Стёпа повторил про котельную, и Руся обозвал нас обоих.

8 Куртка

К ноябрю отец разрешил мне снова ходить из школы со Стёпой. За Иваном приходила мать, Слава возвращался из своей школы другой дорогой. Руслан должен был встречать нас возле магазина, но несколько дней не появлялся.

Однажды я увидел его у котельной за стадионом. Он выносил старые рамы вместе с Лёхой. За две рамы им дали десятку; Руслан тут же показал её мне.

— Работаю.

— Тебе отец разрешил?

— Я же не ворую.

Внутри было тепло. Я остался у входа, пока Руслан забирал куртку. Лёха ходил за мужчиной в чёрной шапке и повторял, что ему обещали больше. Мужчина не отвечал. В шкафу возле дверей лежал открытый пакет с деньгами. Я увидел пачки и решил, что это вся плата за работу, которую Лёхе не дают.

Руслан тоже увидел. Он сказал, что из такого пакета можно и доплатить.

Мужчина взял его за воротник свитера и прижал к шкафу. Я закричал Лёхе. Тот встал между ними, и мужчина отпустил Руслана, зато толкнул самого Лёху. Мы попятились к двери.

Куртка осталась на гвозде. Я вернулся на шаг, хотел сорвать её, но Руслан выскочил наружу. Пришлось бежать за

ним.

Он остановился у стадиона и велел никому не рассказывать. Я не мог согласиться: у него на шее выступили красные полосы, а на улице начинало темнеть.

До нашего дома мы дошли почти бегом. Мой свитер был Руслану длинен, рукава пришлось подвернуть. Мама нашла в шкафу старую куртку и стала звонить его матери.

Пока родители разговаривали, Руслан объяснял мне про рамы. Лёха обещал всё время быть рядом: вынесут их во двор, получат деньги и уйдут. Руся потому и согласился. Они вынесли четыре, а им заплатили как за две.

— Ты-то чего сказал про деньги? — спросила мама.

— Они же там лежат.

Мама не нашла, что ответить сразу. Она разглядывала его шею, потом попросила снять свитер.

Отец приехал вместе с Руслановым отцом. Я раньше видел его только издали: он водил большую машину и всегда торопился. Теперь он тоже всё время спрашивал, где ключи, хотя держал их в руке.

Руслан при нём замолчал.

— Я тебя сколько раз просил: к ним не ходи, — сказал Русланов отец. — Денег тебе надо было?

Руслан ответил, что нет.

— Тогда зачем?

Я хотел объяснить про десятку и рамы, но мама останови-

ла меня. Она сказала, что сейчас не надо допрашивать, надо поехать показать шею врачу. Руслан возмутился: ничего у него не болело. Его отец впервые за вечер сел и попросил воды.

Потом я провожал их до двери. Руслан отдал мне десятку. Я не взял.

— Мне зачем?

— На. У меня заберут.

Он положил деньги под телефон и ушёл. Наутро мама вложила их в конверт и отнесла его матери.

В отделение мы поехали вместе с Русланом. Отец просил меня рассказывать только то, что я видел сам. Я и рассказал: шкаф, пакет, мужчина, рука на воротнике. Про то, зачем в пакете столько денег, я не знал.

Участковый спросил, не брали ли мы из шкафа что-нибудь. Руслан решил, что его называют вором, и стал кричать. Его отец вывел в коридор. За дверью всё было слышно.

Меня отпустили через полчаса. Я сел рядом с Русланом. Он принялся убеждать меня, что больше ни на кого работать не будет.

— Сам заработаю.

— Как?

— Придумаю.

На улице нас ждал Лёха. С ним была мать. Мы кивнули друг другу, и она спросила, это ли мальчики. Лёха ответил,

что да.

Пока взрослые разговаривали, мы стояли у ограды. Руслан пытался узнать, забрали ли человека в чёрной шапке. Лёха не знал. Он сказал, что куртку постарается вернуть.

Я хотел спросить, зачем он вообще пошёл туда снова. Но мать позвала его, и он ушёл, не дослушав вопроса.

Куртку вернули через два дня. В кармане остались опилки, а подкладку порвали, когда снимали с гвоздя. Руслан принёс её моей матери: она умела зашивать так, что почти не было видно.

Пока мама распарывала подкладку, Руся стоял рядом и объяснял, откуда получилась каждая дырка. Про самую большую сказал, что была ещё до котельной.

— Я не проверяю, — ответила мама. — Не загораживай свет.

Я позвал его в комнату. Он не пошёл. Смотрел, как иголка выходит с изнанки. Мама дала ему подержать катушку, чтобы нитка не тянулась по полу.

Уроки мы делали на кухне. Руслан не знал правила, по которому надо было писать упражнение, и пытался выбрать буквы на слух. Мама помогла с первым предложением. Во втором он ошибся ровно там же.

— Ты чего, не слушал?

— Слушал.

Она повторила. Руслан попросил объяснить ещё раз, толь-

ко без названия правила. Я уже собирался засмеяться, но он говорил серьёзно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.